

А. М. Конашкова
А. В. Шуталева

Системный подход к теории познания и эволюционной эпистемологии: проблемы и противоречия

Материалы «круглого стола»

Предлагаем Вашему вниманию, уважаемый читатель, материалы заседания «круглого стола», посвященного анализу книги «Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики», которое состоялось уже довольно давно и проходило в две сессии — 31 сентября и 7 октября 2002 года. Круг обсуждения составили вопросы, в последнее время приобретающие все большую актуальность. Откровенность участников дискуссии позволила вывести на обсуждение те вопросы, которые приводят к осмыслению многих эпистемологических проблем современной философии.

В контексте данного обсуждения эпистемологическая парадигма связывается с биогенетическими основами сохранения, передачи и трансформации духовных ценностей, определяющих культурно-исторические и национальные особенности, а также формирующие специфические образы мира, который позволил разрушить кумулятивную модель научного знания, создаваемого независимым наблюдателем, и показал, что развитие науки есть не что иное, как «смена точек зрения» и «трансформация перспектив».

Организаторы и участники «круглого стола» выражают свою благодарность доктору философских наук, профессору *Н.В. Бряник* за поддержку и помощь в организации данного мероприятия.

В заседании принимали участие: А.В. Шуталева, А.М. Конашкова, И.А. Пузанский, Е.А. Жильцова, М.В. Смагина, Т.В. Смирнова, О.А. Лядова, О.В. Михайлова, О.С. Гилязова, Е.В. Ускова, Д.С. Тюхтин.

А. В. ШУТАЛЕВА. Одним из основных положений в философии является определение эпистемологии* как междисциплинарного направления, представляющего собой рационально-эмпирический подход к знаниям. Однако, если обратиться к этимологическим истокам понятия, то необходимо принять во внимание, что термин «эпистемология» образован из двух слов, имеющих древнегреческое происхождение: «эпистема» — твердое, надежное знание и «логос» — слово, учение. Если следовать этим исходным значениям, то эпистемологию можно определить как учение о твердом и надежном знании. Термин «эпистемология» в современности широко распространен в англоязычных странах, в нашей стране он постепенно вытесняет более традиционные термины «теория познания» и «гносеология». Однако, следовать за буквальным значением терминов, как известно, надо с большой осторожностью. Неоднозначность ситуации, возникающей при обращении к данному термину, состоит в том, что, с точки зрения большинства современных эпистемологов, старый древнегреческий идеал «episteme», как твердого и надежного знания, оказался мифом. Все наше знание принципиально гипотетично — таков главный вывод современной эпистемологии.

А. М. КОНАШКОВА. Основным вопросом эволюционной эпистемологии является понимание сущности знания. В «универсуме» или, в терминологии К. Поппера, — «мире» следует различать, во-первых, мир физических объектов; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний; в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего, содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства. Эпистемология, рассматриваемая К. Поппером как теория научного знания, включена в то, что он называет «третьим миром» и содержание эпистемологии составляют теоретические системы, научные проблемы и проблемные ситуации, а также сопутствующие им критические рассуждения. Эпистемология представляет собой последовательную метафизическую исследовательскую программу, центральную роль в которой играют понятия истинности и ложности: она формулирует специфические проблемы во многих областях: Как устроено

---

*Эпистемология — это философско-методологическая дисциплина, в которой исследуется знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие. Традиционно эпистемология отождествляется с теорией познания, однако, в рамках неклассической философии, может быть зафиксирована тенденция к различению гносеологии и эпистемологии, основанием которого является то, что эпистемология исходит не из «гносеологического субъекта», осуществляющего познание, а скорее из объективных структур самого знания.

знание? Каковы механизмы его объективации и реализации в научно-теоретической и практической деятельности? Каковы общие законы «жизни» изменения и развития знаний? — а также прогнозирует, что следует ожидать от адекватного решения этих проблем.

И. А. ПУЗАНСКИЙ. Если для классического периода описание и анализ мышления были сочленены с выявлением правил, процедур и этапов процесса на пути к экономности, без затраты лишних усилий, то в постклассический период мышление определяется как процесс растраты и осуществления всех возможностей ума. Но есть общее основание для обеих парадигм, которое невозможно исключить — сама способность познания и мышления существует для человека как потребность. На мой взгляд, не вызывает сомнений, что эволюционная эпистемология направлена на решение проблемы ограниченности человеческого знания и метода познания. К. Поппер вводит человека в систему Вселенной и говорит о приобретении знаний именно из ситуации взаимодействия с миром (и в этом он представитель классической теории познания), а не в результате рефлексии над своим жизненным опытом (как в постклассическом варианте философии).

Е. А. ЖИЛЬЦОВА. Согласно «классической теории познания», которая берет свое начало от Аристотеля и развита такими современниками К. Поппера как Б. Рассел и Р. Карнап, то необходимо отметить, что К. Поппер называет эту концепцию «обсервационизм», или «бадейная теория», которую можно изложить следующим образом: чувственные данные вливаются в «бадью» через семь хорошо известных каналов — два глаза, два уха, один нос с двумя ноздрями и рот, а также через кожу — орган осязания; в «бадье» они усваиваются, а конкретнее, — связываются, ассоциируются друг с другом и классифицируются, а затем, из тех данных, которые неоднократно повторяются, путем повторения, ассоциации, обобщения и индукции мы получаем наши научные теории. «Бадейная» теория утверждает, что знания могут вливаться в «бадью» снаружи через наши органы чувств. На самом же деле, организмы чрезвычайно активны в приобретении знания, может быть, даже более активны, чем в добывании пищи. Информация не вливается в нас из окружающей среды, напротив, это мы исследуем окружающую среду и активно извлекаем из нее информацию.

М. В. СМАГИНА. Человек как живой организм не только отвечает изменениями на различные воздействия со стороны окружающей среды. Он ведет себя в высшей степени активно, благодаря чему оказывается на

принципиально новой ступени эволюции, что, прежде всего, выражено в языке. Если язык животных обладает экспрессивной, выражающей его внутреннее состояние и сигнальной функциями, то язык человека имеет дескриптивную функцию, благодаря которой способен описывать ситуацию, в которой он находится. Эти описания могут подвергаться критическому обсуждению, они также определяют человека как принадлежащего третьему миру — ценностному миру.

Т. В. СМЕРНОВА. К. Поппер говорит, приводя оценку А. Эйнштейна — если бы во Вселенной не было места для человеческого разума, то вселенная представляла бы собой мусор. То есть, проблема, которая интересовала К. Поппера, заключается в том, чтобы найти рациональный способ для того, чтобы объяснить какое место в развитии космоса, в развитии вселенной занимает человек с его разумом. Поэтому, для К. Поппера, в эволюционной эпистемологии критерием человеческого разума, человеческого способа поведения является наличие языка — третьего мира. Третий мир — то, чем манифестирует себя человеческий разум всему остальному — это объективный мир и язык — это тот способ, каким человек нашел возможность приспособиться к жизни в космосе, к жизни во вселенной.

А. В. ШУТАЛЕВА. Если учесть, что «обитателями» третьего мира К. Поппера являются, прежде всего, теоретические системы, другими же важными его «жителями» являются проблемы и проблемные ситуации, то наиболее важными «обитателями» являются критические рассуждения, а так же то, что может быть названо — по аналогии с физическим состоянием — состоянием дискуссий или состоянием критических споров. Это мир продуктов человеческого духа, в частности, мир человеческого языка: наших рассказов, наших мифов, наших объяснительных теорий, наших технологий, наших биологических и медицинских теорий. Это также мир творений человека в живописи, в архитектуре и музыке — мир всех этих продуктов нашего духа, который никогда не возник бы без человеческого языка.

М. В. СМАГИНА. Человек либо принимает, либо не принимает условия третьего мира. Мир диктует определенные правила и человек принимает их к себе и начинает жить по этим правилам, но, живя по правилам повседневности, он трансформирует те идеи, которые он берет из научного мира и делает новые выводы, а следом выводит новые правила. Именно поэтому у него есть способность к творчеству и к осознанию своих действий и переживаний.

О. А. ЛЯДОВА. Свою эпистемологическую концепцию К. Поппер создает, исходя из дарвиновской теории эволюции, при помощи которой он стремится обосновать общеполитическую картину мира, то есть объяснить происхождение разума, культуры, языка и научного знания. За основу К. Поппер взял теорию эволюции Ч. Дарвина, которая пытается найти биологические истоки появления человека. Однако, вполне вероятно, что сам К. Поппер не стремился найти первоначала человеческого бытия. Он, скорее, претендует на построение глобальной системы социального мира, краеугольным камнем которой является человек. Для этого необходимо установить происхождение человека, что и сделал Ч. Дарвин в сфере биологии (которая, несомненно, является конкретной научной дисциплиной), но для Ч. Дарвина важно было обнаружить биологические истоки человека, а не поместить свою теорию в столь широкий контекст.

О. В. МИХАЙЛОВА. На мой взгляд, не целесообразно прилагать методологию конкретной дисциплины, а именно, принципы построения теории эволюции, к столь широкой области философской проблематики как гносеология и социальная философия. Однако, если мы будем рассматривать концепцию К. Поппера с такой точки зрения, то правомернее сделать вывод, что «эволюционная эпистемология» является глобальной метафизической системой. К. Попперу не удалось создать «эволюционную эпистемологию» как целостную, завершенную систему, в лучшем случае, ее можно считать метафорой, характеризующей теорию фальсификации.

Методология Ч. Дарвина в таком контексте была выбрана не случайно, так как она задает жесткие рамки детерминизма, является вполне приемлемым, с научной точки зрения, объяснительным принципом. Живая материя развивается в процессе эволюции за счет естественного отбора, когда выживают более приспособленные виды. Этот тезис совпал некоторым образом с теорией фальсификации К. Поппера, когда в процессе развития научного знания «выживают» самые «приспособленные» теории, то есть те, которые максимально правдоподобно объясняют реальное положение в мире.

А. М. КОНАШКОВА. Философско-методологическая установка, которую избирает К. Поппер, имеет отношение к констатации факта эволюции в связи с проблемой адекватности основополагающих понятий и принципов биологической эволюции применительно к эпистемологии. Здесь речь идет не только об использовании понятийного аппарата биологической эволюционной теории, например, теории Ч. Дарвина, но также о возможности глубинного раскрытия содержания «биологических

смыслов» и их экстраполяции на природный, по своей сути, процесс приобретения, накопления и передачи информации.

О. Г. ГИЛЯЗОВА. Если решиться еще на одну биологическую аналогию, то можно сказать, что именно процедуру поиска первопричин и первоначал мы видим в работах К. Поппера, посвященных эволюционной эпистемологии, поскольку он ищет истоки специфически человеческих способов бытия в мире. Методология Ч. Дарвина в таком контексте была выбрана не случайно, так как она задает жесткие рамки детерминизма и является вполне приемлемым, с научной точки зрения, объяснительным принципом. Живая материя развивается в процессе эволюции за счет естественного отбора, когда выживают более приспособленные виды. Этот тезис совпал некоторым образом с теорией фальсификации К. Поппера, когда в процессе развития научного знания «выживают» самые «приспособленные» теории, то есть те, которые максимально правдоподобно объясняют реальное положение в мире.

О. В. МИХАЙЛОВА. Тем не менее, замена теории фальсификации (то есть опровержимость любой научной теории в силу того, что наше знание о мире носит гипотетический, вероятностный характер, а значит, подвержено ошибкам) при объяснении развития знания на теорию естественного отбора ознаменует собой подмену понятий и становится основой для кумулятивной концепции.

Е. В. УСКОВА. Вероятно, К. Поппер не согласился бы с моим сравнением, что плодотворность как главное достоинство в оценке теории, в данном случае, теории Ч. Дарвина, сближает К. Поппера с прагматизмом, вернее, с неопрагматизмом в лице Р. Рорти. Правда, для Р. Рорти на первый план выходит полезность и эффективность, но это очень близко к плодотворности. С точки зрения Р. Рорти, теория Ч. Дарвина хороша именно тем, что она позволяет объяснять человека и природу как части одного целого — одного мира; метафизические же построения, как правило, грешат традиционным противопоставлением мира и человека, субъекта и объекта. Теория Ч. Дарвина может быть не идеальна и имеет свои «белые пятна», но она позволяет объяснить очень многие факты, и, поэтому, она и была признанна как наиболее приемлемая многими учеными.

А. М. КОНАШКОВА. Сказанное приводит нас к вопросу о специфике эволюционной эпистемологии, ее отличия от других натуралистических концепций, рассматривающих динамику человеческого познания, например, биоэпистемологии и генетической эпистемологии, представленных в исследованиях Ж. Пиаже, К. Лоренца, С. Тулмина, Г. Бейтсона. Несмотря

на существующие глубокие расхождения во взглядах на исследуемую проблему и очевидную недостаточность теоретических ресурсов, которые позволили бы развить адекватную концепцию динамики познания, К. Поппер стремится найти научно приемлемую альтернативу ортодоксальной неodarвинистской теории, которая, по его мнению, не уделяет должного внимания взаимодействию организма и окружающей среды, воздействию природных факторов на возникновение живых организмов и их различных сообществ, чье видовое разнообразие обусловлено естественным отбором.

И. А. ПУЗАНСКИЙ. Для К. Поппера теория Ч. Дарвина — не единственно приемлемый вариант. Для него важно в какой-либо научной теории зафиксировать творчество Вселенной, которое в человеческом фокусе будет творчеством научных теорий. В этом плане, кроме дарвиновской теории он ничего не смог найти. К. Поппер скорректировал теорию Ч. Дарвина. Для него важной в теории Ч. Дарвина является вероятностная ситуация.

А. М. КОНАШКОВА. В таком случае, скорее, говоря о дарвинизме, К. Поппер каждый раз обращается к «пост-нео-дарвиновской» теории естественного отбора (ориентируясь на исследования А. Вейсмана и Г. де Фриза), подкрепленной менделевской теорией наследственности и теорией мутаций; практически, речь идет о концепции, которая, бесспорно, считается интеллектуальным источником для построения эволюционистских моделей, и на основании которой К. Поппер возводит свою версию эволюционной эпистемологии. Это чрезвычайно внушительная теория, которая является лучшей моделью такого рода. Конечно, К. Поппер далек от утверждения о том, что она полностью объясняет эволюцию, поскольку, все научные теории, по сути дела, являются предположениями, даже те, которые успешно выдержали множество строгих и разнообразных проверок, но менделевское обоснование современного дарвинизма достаточно хорошо проверено, так же как и теория эволюции, утверждающая, что вся жизнь на Земле развилась из нескольких простейших одноклеточных организмов. Возникновение аномальных ситуаций и совершение новых открытий обуславливают существенные изменения или коренную перестройку существующей модели научного поиска, что, как правило, приводит к смене одной парадигмальной модели другой.

Е. А. ЖИЛЬЦОВА. Действительно, эволюция научного знания представляет собой, главным образом, эволюцию в направлении построения все лучших и лучших теорий. Не возникает сомнения, что это дарвинистский процесс, то есть теории становятся лучше

приспособленными благодаря естественному отбору, они дают нам все лучшую и лучшую информацию о действительности, они все больше приближаются к истине.

М. В. СМАГИНА. Если К. Поппер отказывается от позитивистского подхода, — это вовсе не означает, что он в своих рассуждениях не придерживается позитивистской позиции. Обесценивая прежние постулаты, предложенные позитивистской наукой, сам он выстраивает свои рассуждения, опираясь на фактический материал, недаром, для иллюстрации своего подхода он берет теорию Ч. Дарвина. Здесь, однако, существует неоднозначный момент — исходя из фактического биологического материала, он переходит к категориям онтологическим. Но это говорит, как мне кажется, не об отказе от прежних (позитивистских) установок, а о расширении поля изучения знания.

И. А. ПУЗАНСКИЙ. Позиция К. Поппера привлекательна тем, что он пытался найти другую отправную точку для построения своей теории: проблема разума для него носит онтологический характер. Это более высокий уровень, который позволяет обобщить больше знания, структурировать и понять, как оно функционирует и производится во всей Вселенной. Логические позитивисты, определяя поле знания, исследуют мир в связи с языком и строгостью выражения в его структуре, как, например, Л. Витгенштейн.

А. В. ШУТАЛЕВА. На первый взгляд, процедура опровержения и поиск новых теорий, отличающихся разрешительными способностями, представляется позитивной, предполагающей развитие научного знания. Однако в попперовском понимании науки не предполагается ее развитие по той причине, что в самой окружающей действительности не существует развития как такового, а есть лишь изменение. Процессы, которые происходят на неорганическом и биологическом уровнях существования природы, являются всего лишь изменениями на основе проб и ошибок. Соответственно, теории в науке, как догадки о мире, не предполагают своего развития. Смена одной теории другой — это некумулятивный процесс в науке, так как, теории, сменяющие друг друга, не имеют между собой преемственной связи, напротив, новая теория потому новая, что максимально дистанцируется от старой теории. Это равносильно допущению, что теории не подвержены эволюции и в них не происходит развитие, они всего лишь сменяют друг друга, не сохраняя между собой никакой эволюционной преемственности. В таком случае, правомерен вопрос: В чем именно выражается отличие позиции К. Поппера на рост

научного знания и прогресс в теориях?

М. В. СМАГИНА. По К. Попперу, при рассмотрении данного вопроса (Что такое знание?) необходимо сделать некоторые допущения: начать не со значения слов или понятий, а с высказываний или того смысла, который мы вкладываем в эти понятия. Поэтому, когда мы рассматриваем понятие знания в классическом понимании, то исходим от ценностного смысла, т.е. отвечаем на вопрос «Что такое знание?». Опираясь на понятие «знание», К. Поппер придерживается позиции, каким образом это высказывание используется в языке, другими словами, от его фактического использования. Например, часто люди используют выражение: «животное знает». Но если знает животное? То же, что может знать также бактерии и растения. Здесь может возникнуть проблема обвинения в антропоморфизме. Но ведь все наши знания несут в себе печать антропоморфности. Таким образом, все организмы несут в себе печать антропоморфности, которую они получают благодаря тому, что мы переводим язык природы на наш язык. Таким образом, это находит свое выражение в том, что организмы пытаются приспособиться к условиям выживания, пользуясь «знанием».

А. В. ШУТАЛЕВА. Для приверженцев данного стиля мышления характерны попытки проводить твердую аналогию между эволюцией организмов и ростом человеческого знания, в частности, научного знания, доказывая, что причина роста научного знания заключается в некотором механизме, аналогичном естественному отбору, и идут еще дальше, заявляя, что подобно тому, как живые организмы вынуждены испытывать свои способности в борьбе за существование, так и любые идеи, концепции или теории должны выявлять и обнаруживать свою ценность в сравнении с другими идеями в постоянной интеллектуальной «борьбе» за существование. Но только ли те идеи, концепции и теории приобщаются к духовным ценностям, которые «выживают» в такой борьбе?

Е. В. УСКОВА. Классический реализм также предполагает, что мы действительно можем познать мир таким, какой он есть, а наши органы чувств дают нам неискаженную информацию об этом мире. Более того, наши научные теории призваны быть как можно наиболее лучшим теоретическим отражением мира, уже постигнутого нами с помощью чувств и восприятия. Но так ли бесспорны эти претензии реализма? Уже И. Кант говорил о феноменальном характере окружающего мира, ноуменальную сторону которого человек не может познать в принципе. И. Кант полагал, что человеческое познание ограничено именно в силу антропоморфного характера чувств и мыслительных способностей человека. О том же

говорит нам и релятивистская физика, обнаружившая неразрывную связь между системой и наблюдателем, между инструментами познания и познавательными результатами. Так что, теория познания К. Поппера, во многом, выходит за рамки классической эпистемологии.

Д. С. ТЮХТИН. Взять, к примеру, спор К. Поппера и П. Бернайса о рациональности. Для К. Поппера рациональность — это следствие критической установки. Он указывает на то, что и «доказательство», и его противоположность «догадка» имеют две стадии существования: до и после того момента, «когда мы начинаем их критически исследовать». Рациональной является только стадия «после». Бернайсовское «приписать рациональности творческое начало: не в отношении принципов, а в отношении понятий» рушится в один миг. К. Поппер недвусмысленно говорит о том, что критически исследовать можно любое понятие, а значит, принцип все-таки победил.

М. В. СМАГИНА. Я полагаю, что самое важное в позиции К. Поппера заключается в том, что он отходит от основных постулатов (положений) классической эпистемологии. Для классической эпистемологии был характерен ряд особенностей. Это гиперкритицизм или скептическая установка в отношении существования внешнего сознанию мира и возможностей его познания; фундаментализм, опирающийся на идею о существовании некоторых неизменных норм, позволяющих обосновывать знание; субъектоцентризм, включающий понимание состояний сознания субъекта; «научоцентризм» или другими словами того, что научное знание является единственно достоверным; идеи о существовании неизменных норм, позволяющих обосновывать знание. Неклассический подход пересмотрел свое отношение к данным особенностям, и предлагает иной подход. Например, такой, как доверие к принимаемой субъектом познавательной традиции, отказ от фундаментализма, от субъектоцентризма, новое понимание «внутренних» состояний сознания, и др. Что, в свою очередь, порождает ряд проблем другого порядка, которые ранее не имели место.

Е. В. УСКОВА. Вопрос об объективности и субъективности, о разных методах, которые используют естественные и гуманитарные науки, был поставлен еще неокантианцами, и до сих пор он еще остается актуальным. Но самое интересное состоит в том, что неокантианцы выявили это различие в XIX веке, а в XX веке произошли немаловажные изменения в науке и в научных методах. Появилась теория относительности А. Эйнштейна, его философское осмысление этой теории, развитие и

объяснение эйнштейновских постулатов Н. Бором и М. Борном. По сути дела, именно они наметили новый подход, новый метод в теории познания, одним из важных составляющих которого является принцип зависимости наблюдателя от системы. Именно этот принцип абсолютно не вписывается в рамки классической эпистемологии, в рамки традиционных представлений об объективности. Можно ли в таком случае говорить о несравнимости методов и подходов гуманитарных и естественных наук, не правильнее ли будет признать, что так называемый субъективизм, которого все так стараются избежать, — это неизбежный спутник человека и это нужно понаблюдать и принять?

А. М. КОНАШКОВА. Принимая во внимание, что К. Поппер предстает как оппонент логического позитивизма, но, при этом, он использует язык этой школы, поскольку внутри нее он был воспитан и развивал свои идеи, не удивительно, что объективность науки сводится им к объективности критического метода; это означает, прежде всего, что никакая теория не является недоступной для критики, что научные знания не являются абсолютно достоверными, но к этой достоверности постоянно стремятся, то есть научные положения, законы, теории всегда являются гипотезами, которые мы временно принимаем, но которые требуют проверки и замены их гипотезами, которые располагают большим информационным содержанием, большей логической простотой и большей объяснительной силой. Эта констатация представляет собой основу научного метода выдвижения гипотез и попыток их опровержения, а именно, — только установление конкретных законов может наполнить общую гипотезу научным содержанием, сделать ее доступной критической проверке и обеспечить ее объяснительной функцией.

О. С. ГИЛЯЗОВА. Методология как путь исключения ошибок эффективна, когда касается гипотез в уже известной, четко очерченной области, но начинает мешать в неразработанном, еще не исследованном проблемном поле, где ученый вынужден действовать на свой страх и риск. Однако К. Поппер настаивает на том, что необходимо принимать рискованные решения. Под удовлетворительной теорией К. Поппер подразумевает новую теорию, способную выполнить следующие условия: (1) объяснить факты, с которыми успешно справлялись прежние теории и, те факты, которых не смогли объяснить эти теории; (2) найти удовлетворительное истолкование тем опытными данным, согласно которым были фальсифицированы существовавшие теории; (3) интегрировать в одну целостность гипотезы, несвязанные между собой; (4) новая теория

должна содержать проверяемые следствия; (5) сама теория так же должна быть способной выдержать процедуру строгой проверки. К. Поппер считает, что такая теория не только плодотворна в решении проблем, но даже обладает, в определенной степени, эвристической возможностью, что может служить свидетельством успешности познавательной деятельности.

А. М. КОНАШКОВА. Исходя из предположения, что наука — это динамическая система, предполагающая непрерывное изменение и рост знания, которое определило роль философии науки в научном познании, с очевидностью следует, что задача философии сводится не к обоснованию знания, как это было в неопозитивизме, а к объяснению его изменения на основе критического метода. Позитивисты всю действительность сводили к фактам; по их мнению, чистый факт и является элементарным явлением; для них наука — не система понятий, а система высказываний. В таком случае, единственной задачей науки остается требование построения индуктивной логики, то есть исследовательский процесс должен быть направлен от сингулярных высказываний (отчетов о результатах наблюдений или экспериментов) к универсальным (гипотезам и теориям); а значит, развитие науки должно проходить кумулятивным способом, путем постоянного прибавления к группе тезисов новых понятий и законов.

О. С. ГИЛЯЗОВА. Главная критика концепции К. Поппера построена на разоблачении сомнительности того представления, что именно случайная, ничем не объяснимая, близкая к чуду игра проб и ошибок в нахождении истины способна быть двигателем научного прогресса. Дело в том, что здесь мы сталкиваемся с неразрешимым при подобном подходе противоречием: с одной стороны, крайне ограниченный период времени, запаса которого не хватит для полного перебора всех возможных гипотез и проверки их на истинность; с другой же стороны, темп научного прогресса рационально необъясним при случайности перебора по теории вероятности.

А. М. КОНАШКОВА. К. Поппер, придерживаясь гипотетико-дедуктивного подхода, напротив, настаивает на том, что статичный подход к анализу познавательных процедур и знания ограничен и не позволяет реконструировать научные знания в их становлении, формировании и развитии; он считает индукцией наивную точку зрения на науку как на простую сумму обобщений конкретных экспериментов, которая неизбежно ведет к логическим противоречиям. Исследования ученых должны предполагать учет и анализ динамических процессов становления базы эмпирических данных с последующими преобразованиями знания в их эвристической перспективе. Таким образом, дедуктивная логика становится

теорией рациональной критики, которая позволяет показать, что если из некоторого утверждения можно логически вывести неприемлемые заключения, то утверждение можно считать опровергнутым. Эти уточнения позволяют понять, что гипотетико-дедуктивный метод образования научных знаний является, одновременно, методом эволюционного приближения к достоверности.

А. В. ШУТАЛЕВА. В «Логике научного открытия» К. Поппер пишет, что центральной проблемой теории познания всегда была и остается проблема роста знания, а наилучший способ изучения роста знания — изучение роста научного знания. В качестве основного методологического инструмента для этой цели К. Поппер вводит принцип фальсификации, смысл которого сводится к проверке теоретических утверждений эмпирическим опытом. Характерным признаком критического рационализма, к которому причислял себя К. Поппер, является то, что вместо понятия «теория» вводится в качестве основного понятие «ряд теорий». Именно последовательность теорий, а не отдельная теория, оценивается с точки зрения научности или ненаучности, элементы этого ряда связаны непрерывностью, позволяющей называть этот ряд исследовательской программой.

Д. С. ТЮХТИН. Важно не количество теорий, а качественные различия. Когда К. Поппер говорил о фальсификации, каждая теория рассматривалась как отдельное научное явление. В эволюционной эпистемологии все внимание вдруг переключается на метатеоретические принципы.

Е. А. ЖИЛЬЦОВА. Все же это не проясняет чем фальсифицируемость лучше верифицируемости. И какова в связи с этим логика рассуждения К. Поппера?

А. М. КОНАШКОВА. Верификация* и фальсификация** — это, прежде всего, логические отношения между предложениями, соответственно,

---

* Верификация — логико-методологическая процедура установления истинности научной гипотезы на основе ее соответствия эмпирическим данным или теоретическим положениям, соответствующим эмпирическим данным. Концепция верификационизма была разработана в рамках Венского кружка. Наука XX века, опровергнувшая процедуру верификации, как и сопряженную с ней идею независимости «чистого опыта», отдала некоторое предпочтение идее фальсификации.

** Фальсификация — научная процедура, имеющая своим результатом установление ложности соответствующей гипотезы посредством эмпирической проверки на соответствие экспериментальным данным или теоретической проверки на соответствие принятым в научном сообществе фундаментальным теориям.

особые случаи подтверждения и опровержения. Поэтому, является ли гипотеза верифицируемой, или фальсифицируемой, зависит исключительно от ее логической формы, которая может быть представлена четырьмя случаями: (1) если гипотеза не содержит кванторных терминов «все» и «некоторые» или их символических эквивалентов, то она является и верифицируемой, и фальсифицируемой; (2) экзистенциальная гипотеза (то есть гипотеза, которую можно символически представить посредством формулы, содержащей один или более кванторов существования) верифицируема, но не фальсифицируема, если универсум рассуждений содержит бесконечное число объектов; (3) универсальная гипотеза, содержащая один или более универсальных кванторов, фальсифицируема, но не верифицируема для бесконечного универсума рассуждений; (4) гипотезы, не выражимые с помощью предложений одного из трех вышеуказанных типов и требующие для своей формулировки и универсальных кванторов и кванторов существования, как правило, не верифицируемы и не фальсифицируемы.

О. Г. ГИЛЯЗОВА. Методологическая фальсификация*, согласно К. Попперу, позволяет только наиболее приспособленным теориям продолжать существование. Однако, нет никакой уверенности, что «выжившие» теории «выживут» в следующих проверках, так как в любое время они могут стать объектом более строгой проверки. Таким образом, процесс «адаптации» может быть сопоставлен с приближением к истине.

А. В. ШУТАЛЕВА. Если принять во внимание, что все теории, в равной степени, гипотетичны, то наука не может доказательно обосновать ни одной теории. Но, не будучи способной доказательно обосновывать, наука может, опровергая с полной логической определенностью, отречься оттого, что обнаружило свою ложность, это означает, по мнению И. Лакатоса, что допускается существование фундаментального эмпирического базиса — множества фактуальных высказываний, каждое из которых может служить опровержением какой-либо теории. Важно, чтобы на вещи смотрели с различных точек зрения, чтобы выдвигались теории, предвосхищающие новые факты, и отбрасывались теории, вытесняемые другими, более сильными.

---

* Методологическая фальсификация и логическая фальсификация — процедура «оправдания» гипотезы, выявление ее способности быть проверяемой посредством сопоставления с опытными данными, то есть с результатами соответствующих экспериментов или целенаправленных наблюдений (методологическая фальсификация) или логическое обоснование (в силу *modus tollens*) одних высказываний посредством других (логическая фальсификация).

Д. С. ТЮХТИН. Существует еще одна важная проблема: каждый настоящий ученый отдает себе отчет в том, что в его теории есть «белые пятна». Это принцип фальсифицируемости. Есть факты, которые выходят за рамки теории, не описываются ей вообще, или даже подрывают ее изнутри, и именно изнутри. Одна научная теория не может описывать все многообразие мира. При этом опровергать одну теорию другой — это абсурд. Когда же мы начинаем говорить об эволюционной эпистемологии, то сразу вынуждены признать, что теории борются между собой за научное пространство. Выживает сильнейшая теория, способная к большим мутациям. Но, неужели, можно признать, что теория А. Эйнштейна «погубила» в процессе эволюции теорию И. Ньютона? Каждая из них заняла свою нишу — откройте школьные учебники: никакого А. Эйнштейна там нет и в помине. Конечно, можно поспорить, какое отношение имеют эти учебники к научному пространству, но факт остается фактом. «Белое пятно» необходимо, чтобы теория существовала в качестве научной, а не для того, чтобы эту теорию вытеснила другая. Между этими позициями, на мой взгляд, пропасть принципа, и как ее перешагнул К. Поппер, для меня остается непонятным.

А. В. ШУТАЛЕВА. Согласно развиваемой в данной дискуссии концепции эволюционной эпистемологии, метод критической проверки теорий и отбора их по результатам такой проверки всегда идет по следующему пути: из некоторой новой идеи (гипотезы или теоретической системы), сформулированной в предварительном порядке, и еще не оправданной ни в каком отношении, с помощью логической дедукции выводятся следствия; затем, полученные следствия сравниваются друг с другом и с другими соответствующими высказываниями с целью обнаружения имеющихся между ними логических отношений (типа эквивалентности, выводимости, совместимости или несовместимости).

А. М. КОНАШКОВА. К. Поппер, в отличие от догматического позитивизма, предлагает ограничить научные гипотезы формой относительно фальсифицируемых предложений, то есть исключить все чисто экзистенциальные гипотезы, а также и большинство гипотез, формулировка которых требует универсальных кванторов и кванторов существования. Это равносильно признанию, что в понятиях такой теоретической реконструкции науки представляется трудным или почти невозможным дать адекватное представление о более сложных научных гипотезах и теориях. Именно это упрощение, главным образом, сопряженное со стремлением избежать логического противоречия, стало

основанием для критики попперовской концепции эволюционной эпистемологии со стороны Р. Карнапа, О. Нейрата, Х. Рейхенбаха.

Е. А. ЖИЛЬЦОВА. Данный вопрос связан еще и с тем, что для К. Поппера важную роль в его теории играет понятие демаркации*. К. Поппер отвергает индуктивную логику, поэтому, проблема демаркации приобретает еще большее значение для нашего обсуждения. Нахождение приемлемого критерия демаркации должно быть пробным камнем для любой эпистемологии, не прибегающей к помощи индуктивной логики. Позитивисты обычно интерпретируют проблему демаркации натуралистически, как если бы она была проблемой, принадлежащей к компетенции естественных наук. Вместо того чтобы считать своей задачей выдвижение приемлемой конвенции (на которой настаивает К. Поппер), они полагают, что нужно открыть различие, существующее в самой природе вещей, между наукой, с одной стороны, и метафизикой — с другой, которая есть не что иное, как софистика и заблуждение.

О. А. ЛЯДОВА. Хотя К. Поппер и именует себя «метафизическим реалистом», в полной мере он таковым не является. Принимая во внимание все сказанное по поводу метафизичности концепции К. Поппера, я считаю, что отнести его строго либо к позитивизму, либо к метафизике нельзя. Позитивизм в философии науки понимается как течение, объявляющее единственным источником истинного, действительного знания конкретные (эмпирические) науки и отрицающее ценность всех других видов познания (религиозного и философского), с чем К. Поппер в корне не согласен, хотя, на практике, он действует именно так.

А. В. ШУТАЛЕВА. Что касается высказанного признания или непризнания К. Поппера метафизиком, это является достаточно спорным фактом, так как, рассматривая научное познание с психологической точки зрения, он отмечает, что научное открытие невозможно без веры в идеи чисто спекулятивного, умозрительного типа, которые, зачастую, бывают весьма неопределенными, без веры, совершенно неоправданной с точки зрения науки и, в этом отношении «метафизической». Его концепция выдвинута под влиянием ценностных соображений, но это не означает, что он совершает ту же ошибку, за которую осуждал позитивистов, то есть не

---

* Демаркация — от франц. *demarcation* — разграничение, проведение разделяющей черты, границы, призванной отделить научные системы от философских и метафизических утверждений. Эта характеристика отличает утверждения, обладающие эмпирическим содержанием, как от утверждений формальных наук — логики и математики, которые не требуют экспериментальных проверок для своей оценки, так и от выражений внеэмпирической метафизики, в которой нет никакого эмпирического содержания.

стремится «уничтожить» метафизику как не имеющую никакой ценности для эмпирической науки. В ходе конструирования теории наше продуктивное воображение может использовать любой доступный источник, включая миф и метафизику. Поэтому, возникает вопрос: как мы можем быть уверены в том, что наука говорит нам нечто о мире, а не является просто отображением нашего ума?

А. М. КОНАШКОВА. Ответ, который дает на этот вопрос К. Поппер, заключается в том, что, хотя мы никогда не можем верифицировать теорию, мы можем ее фальсифицировать. Объективное понимание в социальных науках состоит в осознании того, что действие объективно соответствовало ситуации. В эмпирических же науках объяснение явления состоит в подведении его под общие эмпирические законы, и критерием его правильности является не то, обращается ли оно к нашему воображению, представлено ли оно в наводящих на мысль аналогиях или каким-то иным образом сделано правдоподобным — все это может проявляться также и в псевдо-объяснениях, а исключительно то, основывается ли оно на эмпирически хорошо подтверждаемых допущениях, касающихся исходных условий и общих законов.

А. В. ШУТАЛЕВА. По сути дела, наши теории, наши гипотезы — это наши рискованные пробы. Бесспорно, большая часть их оказывается ошибочной: в ходе проверок мы можем обнаружить их ложность. Если некоторую теорию мы не можем опровергнуть даже с помощью самых строгих испытаний, мы надеемся, что она истинна. Такие теории, действительно, могут быть истинными, однако дальнейшие испытания могут все-таки продемонстрировать их ложность, то есть фальсифицировать их. Истинность теорий обусловлена принимаемыми идеализациями, которые в какой-то степени могут соответствовать эмпирической действительности. Поэтому, на основе принципа относительности истинности можно установить принцип плюральности истинности.

Т. В. СМЕРНОВА. Чтобы не допустить заблуждений, необходимо сразу прояснить следующее: говорить об истинности в пределах концепции К. Поппера неуместно, поскольку абсолютной истины для него не существует и не может существовать. Вместо истинности его интересует проблема объективности, причем последняя для него дана в смысле «общезначимости», то есть противоположности субъективному подходу. Можно рассмотреть на конкретном примере гуманитарных дисциплин, в частности исторической науки. Вспомним его мысль из статьи «Историческое объяснение» о том, что мы не можем рационально доказать истинность теорий, а можем только

критиковать их. Иными словами, К. Поппер говорит не об истинности, а о достоверности, которая достигается посредством критического рассмотрения — это главное для него.

И. А. ПУЗАНСКИЙ. Очевидно, что понятие истины оказывается тем концептом, которое в наше время проблематизирует переход от классической теории познания к неклассическим способам мышления. Вопрос в том: Едина ли истина для всех, или же мы говорим об ее множественности. Но в обоих случаях он не может быть решен без ответа относительно способов и стратегий познания. В постклассический период истина гетерологична, ибо гетерологичность истины — это множественность и различность в определении и описании истины, которые выводят исследователя на тематику плюральности самой истины; в то время как монологичность истины предполагает, что существует или, по крайней мере, может быть выработан общий (тотальный) дискурс для дефиниции истины.

Е. В. УСКОВА. Понятие истины, действительно, является ключевым в вопросе о разделении классической и неклассической теории познания. В данном случае, важно отметить, что классическая теория познания, как правило, отождествляется с реализмом и рационализмом, а неклассическая — с релятивизмом и иррационализмом. Рационализм предполагает, что есть одна возможная истина, одно действительно правильное представление о мире, релятивизм же, как философская позиция, свидетельствует о признании принципиальной возможности разнообразия, то есть множества точек зрения, множества способов восприятия и описания мира, каждый из которых нисколько не лучше другого, все имеют право на существование.

А. М. КОНАШКОВА. Истинность в современной методологии понимается как соответствие приписывания предиката суждения его субъекту, присущности свойств или отношений, обозначаемых предикатом, предмету, обозначаемому субъектом суждения. Необходимо различать логическую истину, устанавливаемую на основе анализа только логических терминов («и», «или», «не» и т. п.), и фактуальную, устанавливаемую на основе анализа дескриптивных (обозначающих конкретные объекты, их свойства или отношения) терминов, то есть на основе анализа вербальных определений этих терминов. То, что поддается «верификации» в позитивистском смысле этого слова, может быть верифицировано, поскольку, в зависимости от обстоятельств, является или правильным, или вероятно правильным. Если принять во внимание, что истинность претендует на объективность, так как она является «соответствием» фактам,

то достоверность редко бывает объективной — обычно, это не более чем чувство уверенности, убежденности, хотя и основанное на недостаточном знании.

Т. В. СМЕРНОВА. Объективность для К. Поппера — не традиционное соответствие фактам. Он утверждает, что невозможно построить теорию на незыблемом основании. Следуя своему методу научного исследования, известному под названием «фальсификационизм», К. Поппер определяет «объективность» не как истинность, а как фальсифицируемость, то есть доступность для разумной критики.

Е. В. УСКОВА. Действительно, К. Поппер говорит о том, что если некая теория лучше противостоит критике, чем другие, то это еще не свидетельствует об ее истинности. Истина — это наш идеал, мы к нему все время стремимся и это лучшее из того, что мы могли бы сделать. К. Поппер также считает, что способность к критике есть величайшее достижение всей европейской культуры, унаследовавшей ее у греков. Однажды греки осознали, что можно критиковать свои мифы, так, по сути дела, и зародилась рациональность, а вместе с ней и наука.

А. В. ШУТАЛЕВА. Таким образом, чистота «чистой» науки является идеалом, как правило, недостижимым, однако, идеалом, за который мы постоянно боремся. Результаты науки всегда остаются гипотезами, которые могут быть хорошо проверены, но не могут быть неопровержимо установлены, как говорит К. Поппер, нельзя показать, что они истинны. Конечно, они могут быть вероятностно истинными, но даже, если они и не окажутся истинными, они все равно останутся великолепными гипотезами, открывающими путь к новым, еще «лучшим» гипотезам. Тогда как то, что можно назвать научной объективностью, основывается исключительно на той критической традиции, которая, невзирая на всякого рода сопротивление, позволяет критиковать господствующую догму. Иными словами, научная объективность — это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики ученых, их сотрудничества и соперничества. По этой причине она зависит, отчасти, от ряда социальных и политических обстоятельств, делающих такую критику возможной или невозможной.

* * *

Уже в самом названии «эволюционная эпистемология» кроется некий смысловой намек на основные содержательные параметры, скрытой в ней проблемы. И хотя сам термин не лишен некоторой

метафоричности, очевидно, что за фактом признания эволюции должна стоять широкая исследовательская программа, которая нуждается в концептуальном философском обосновании. Эти уточнения позволяют понять, что «эпистемологический смысл» эволюционного направления мышления дает ключ к объяснению роста, развития и сохранения человеческого понимания в целом. Благодаря эволюционному подходу стало возможным построение современной концепции глобального эволюционизма, где эволюция предстает как единый, необратимый глобально-эволюционный процесс, описываемый в микро- и макроветвях эволюции, гипотетически приложимый к процессам, происходящим во Вселенной.

Эволюционная эпистемология при всей разновидности концепций, скрывающихся за этим термином, предполагает эволюционное моделирование познания и знания. Это означает, что познавательные процессы моделируются при помощи представлений, наработанных в областях естествознания, изучающих эволюцию, что приводит к рассмотрению эволюции научного знания с точки зрения представлений биологического эволюционизма, это равносильно допущению, что эволюционная эпистемология отмечена ярко выраженным натурализмом. В этом направлении находятся концепции познания и знания, имеющие те же предпосылки, что и естественнонаучные концепции эволюции, по существу, эволюционная эпистемология представляет собой экстраполяцию биологических или общенаучных концепций эволюции за пределы естествознания, на область изучения науки и научного знания.

Эволюционная эпистемология — это вариант использования биологических и естественнонаучных представлений об эволюции для моделирования познавательных процессов и когнитивной динамики. Внутри философской и научно-теоретической мысли вырабатывается определенный эволюционистский стиль мышления, ставший впоследствии весьма успешно функционирующим не только в такого рода проблемах, как обоснование роста, развития и сохранения знания, но также и в более широком контексте «биологического смысла», который распространяется на такие глобально-эволюционные проблемы, как проблема обоснования и объяснения условий перехода от неживого к живому, проблема описания возникновения порядка из хаоса, проблема ко-эволюции, то есть согласованного совместного протекания развития природного и социального, и познание условий их со-развития.

В итоге, мы приходим к следующему утверждению: когнитивный и биологический типы эволюции не так различны, как кажется на первый взгляд, — оба представляют собой не только типы процессов решения проблем, но, в значительной степени, являются регуляторной структурой, которая делает биологическую и научную деятельность целенаправленной, то есть ведет к усовершенствованию когнитивной компетенции вида Homo sapiens. Из этого положения можно сделать вывод, что чем большим набором онто-эпистемологических подходов и способов принятия решений владеет человек, тем более он адаптивен и способен более адекватно отражать реальность. Это последнее обстоятельство выводит нас на круг основных проблем эволюционной эпистемологии, а именно: эволюция человеческого языка и роль, которую он играет в росте человеческого знания; понятия истинности и ложности; описание положений дел и способ, каким язык отбирает положения дел из комплексов фактов, составляющих мир, то есть действительность.